

УДК 130.2:316.7(470+571)(510)
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-10-86-94

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: РОССИЯ И КИТАЙ. ПУТИ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

В.К. Гагарина

Аннотация. Представлен философский анализ межкультурного диалога России и Китая на базе философии Конфуция как одной из главных идеологий китайской культуры. Идеология китайской культуры в контексте статьи понимается не в узкополитическом, а в широком мировоззренческом смысле – как система идей, ценностей и принципов (в данном случае конфуцианских), определяющих специфику китайского типа мышления и социальной организации. В период особенно тесных межкультурных отношений двух великих держав представляется важным преодоление культурных барьеров. Цель работы – выявить точки соприкосновения российского и китайского культурных кодов на примере пяти конфуцианских добродетелей. Научная новизна заключается в сравнительном анализе восприятия этих категорий в русской философской традиции и современном общественном сознании. Результаты показывают значительное концептуальное сходство в понимании семьи, иерархии, долга и мудрости, что создаёт прочную основу для взаимопонимания вопреки цивилизационным различиям.

Ключевые слова: культура; межкультурный диалог; Китай; Россия; этика; Конфуций; ценности; добродетель; семья.

МАДАНИЯТТАРДЫН ДИАЛОГУ: РОССИЯ ЖАНА КЫТАЙ. ӨЗ АРА ТҮШҮНҮШҮҮ ЖОЛДОРУ

В.К. Гагарина

Аннотация. Кытай маданиятынын негизги идеологияларынын бири катары Конфуцийдин философиясынын негизинде Россия менен Кытайдын ортосундагы маданияттар аралык диалогго философиялык талдоо берилген. Кытай маданиятынын идеологиясы макаланын контекстинде тар саясий эмес, кеңири дүйнө тааным маанисинде – кытай ой жүгүртүүсүнүн жана коомдук уюмунун өзгөчөлүгүн аныктаган идеялардын, баалуулуктардын жана принциптердин (бул учурда Конфуцийдин) тутуму катары түшүнүлөт. Эки улуу державанын өзгөчө тыгыз цивилизациялар аралык мамилелеринде маданий тоскоолдуктарды жеңүү маанилүү көрүнөт. Иштин максаты – Конфуцийдин беш касиетинин мисалында орус жана кытай маданий коддорунун орток жактарын ачуу. Илимий жаңылык бул категорияларды орус философиялык салтында жана азыркы коомдук аң-сезиминде кабылдоонун салыштырма анализинде жатат. Натыйжалар цивилизациялык айырмачылыктарга каршы түшүнүү үчүн бекем негиз түзгөн үй-бүлөнү, иерархияны, милдетти жана акылмандыкты түшүнүүдө олуттуу концептуалдык окшоштукту көрсөтөт.

Түйүндүү сөздөр: маданият; маданияттар аралык диалог; Кытай; Россия; этика; Конфуций; баалуулуктар; изгилик; үй-бүлө.

DIALOGUE OF CULTURES: RUSSIA AND CHINA. WAYS TO MUTUAL UNDERSTANDING

V.K. Gagarina

Abstract. The article presents a philosophical analysis of the intercultural dialogue between Russia and China based on the philosophy of Confucius, which is one of the main ideologies of Chinese culture. In the context of this article, the ideology of Chinese culture is understood not in a narrow political sense, but in a broader philosophical sense, as a system of ideas, values, and principles (in this case, Confucian principles) that define the specific characteristics of

Chinese thought and social organization. In a period of particularly close intercivilizational relations between the two great powers, it is important to overcome cultural barriers. The purpose of this work is to identify the points of contact between the Russian and Chinese cultural codes, using the example of the five Confucian virtues. The scientific novelty of this work lies in the comparative analysis of the perception of these categories in the Russian philosophical tradition and in modern public consciousness. The results show a significant conceptual similarity in the understanding of family, hierarchy, duty, and wisdom, which creates a solid foundation for mutual understanding despite the differences in civilization.

Keywords: culture; intercultural dialogue; China; Russia; ethics; Confucius; values; virtue; family.

На сегодняшний день можно заметить, что современный мир отличается своей непредсказуемостью, стремительным развитием всех сфер деятельности. Реальность изменилась почти до неузнаваемости за относительно короткий исторический промежуток времени: мир пережил масштабные геополитические изменения, очевидны некоторые особенности межкультурных отношений, не говоря уже о появлении нейронных сетей и искусственного интеллекта [1]. В связи с этим вопрос касательно эффективного взаимодействия культур и цивилизаций становится особенно острым. Россия и Китай, как стратегические партнёры с уникальными культурными традициями, нуждаются в глубоком взаимопонимании. Данная статья посвящена философскому анализу основ российско-китайского культурного диалога на базе этической доктрины Конфуция.

Россия – страна, отличающаяся самобытностью, богатой историей и уникальной культурой. В рамках философских размышлений во главе угла всегда стоял вопрос о предназначении России, её месте и роли в системе «Запад-Восток». Достаточно вспомнить спор «славянофилов» и «западников» или труды выдающегося философа Н. Фёдорова, который примерял для России образ «примирительницы» крайностей Востока и Запада [2]. Национальная суть русского характера и культуры состоит в дуализме [3]. Вспоминаются слова А. Бестужева: «Русь глядела на Азию и Европу» [4, с. 105]. Спустя век обсуждения исторического развития России и её межкультурных отношений с Западом и Востоком не утратили актуальности. Разумеется, что взгляд назад, к уже имеющемуся опыту, позволяет проанализировать возможности и риски симбиоза восточных и западных элементов в развитии российского общества.

Что касается европейской культурной традиции, то в данном случае нет никаких сомнений

в связях с отечественной философской мыслью. В каком-то смысле это философская аксиома [5]. Образ мысли, философский язык, направленность, идеи и проблемы европейского философского дискурса для русского менталитета были довольно понятны и приняты (под ментальными соответствиями понимается созвучие исторически сложившихся комплексов духовных, психологических и поведенческих моделей, определяющих коллективное мировосприятие) [6]. Часто можно встретить такие высказывания: «Сковорода – русский Сократ», «Соловьёв – русский Платон», «Бердяев – русский Ницше» [5]. Появление таких сопоставлений не случайно, а даже неизбежно. Конечно, культурные коды Европы и России переплетены давно и глубоко, что, кстати, нельзя сказать про связь с Востоком: за многовековую историческую связь России и Востока при условии территориального соседства и всех попытках сближения отечественной мысли с классическими традициями Востока не появилось русских Конфуциев или Лао-цзы [5]. Под культурным кодом в работе понимается система базовых ценностей, моделей поведения и мировоззренческих установок, разделяемых носителями культуры и передающихся из поколения в поколение.

В отношении опыта сближения двух культур анализ прошлого опыта показывает невозможность адекватного осмысления восточной культуры за счёт несимметричности хронологии китайской и русской философии [7]. Первые переведённые документы о китайском способе мышления, об образе мысли и в целом о жизни появились лишь в XVIII веке, тем не менее внимание придавалось по большей части методам правления страной, а не философским традициям. В XIX веке можно зафиксировать возрастание интереса к китайской традиции. Причиной этому может быть строительство Сибирской

железной дороги, которое привлекло внимание многих учёных и общественно-политических деятелей, а также нельзя не упомянуть имя основоположника русского китаеведения в России Н. Бичурина, который неоднократно публиковался во многих известных журналах типа «Московский вестник» и т. д. [8]. Его деятельность отличалась активностью в популяризации в обществе знаний о китайской культуре: он занимался и переводами книг, и исследовательскими проектами, и создал первый русско-китайский словарь, а также изучал культурное родство народов Поволжья и азиатского Востока. Он неоднократно говорил о родстве русского просвещения и китайской мудрости [8]. Н. Бичурин видел общность культур в выборе приоритетов между нравственным и умственным образованием в пользу первого. В его работах можно встретить критику, вызванную подражанием Западу, он искренне считал, что восточная мудрость – это колодец бесценных знаний, фундаментального опыта, которые необходимо интегрировать в русское общество и в целом в мировую культуру. В итоге в конце XIX века в России только начинают зарождаться представления о культурологическом родстве России и Востока.

Не оставались в стороне от обсуждения предназначения России и её исторического развития упомянутые выше западники. П. Чаадаев писал, что Китай отличается своей «тупой неподвижностью» [9]. В своих письмах он критиковал философов за высказывания в пользу родства России с Востоком и за отказ совершенствоваться по западному образцу. Его высказывания довольно остры, в особенности касательно традиций и устоев, которые он считал «сгнившими» и ненужными [9]. Что касается славянофилов, то их заинтересованность Востоком была куда положительней. Например, А. Хомяков и его «Записки о всемирной истории», известные также как «Семирамида», в которых он раскрыл историческую сущность стран Азии, также собрал внушительный материал по их духовному наследию [10]. Философ определил, что в китайской истории прослеживается одна главная задача – «основать стройное государство, развивающееся из нравственных начал» [10]. А. Хомяков писал о «логической

стройности и строгой последовательности политической организации» Востока, о высоком «уважении к уму человеческому» [10, с. 27–28]. Особенно интересовался Конфуцием и его целостной этической доктриной, представляющей собой не конфессиональное, религиозное учение, но во многом заменяющее религию в Китае.

Очевиден тот факт, что дихотомия «Запад–Восток» злободневна для русской философской мысли, и главное отличие этих двух полюсов – в различии способов познания мира, от которых зависят идеалы и нормы, доминирующие в обществе [5].

Китай – дружественная страна, партнёр России не только по праву географического соседства, но и в силу многовекторных исторических традиций (торговые связи, советско-китайские отношения «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи») [11]. Две великие державы – Россия и Китай – обладают значительным сходством: самобытностью культур, уникальностью традиций, уважением к истории. За всё существование страны пережили и упадок, и расцвет, испытали внутренние кризисы, и судьбоносные удары извне. Неудивительно, что сегодня мы наблюдаем рост социокультурного взаимодействия между Россией и Китаем. В связи с этим особую актуальность приобретает понимание ключевых процессов российско-китайского диалога. В данной статье внимание сосредоточено исключительно на духовно-нравственных ценностях, на пяти основных добродетелях, считающихся не средствами, а самой целью развития любого общества. Кажется важным, на данном историческом этапе развития нашего государства правильно определить правильные ориентиры, особенно в рамках современных процессов глобализации.

Нет сомнений, что сегодня Конфуций является неким символом Китая, с уверенностью можно сказать, что китайское общество самоидентифицирует себя с этим историческим персонажем. В действительности выбор личности, которая бы максимально точно и ярко представляла культуру народа, зачастую оказывается трудным. Однако для китайского общества такой выбор был естественен, поскольку Конфуций является выдающейся исторической фигурой

Китай, идеология которого максимально точно олицетворяет традиционные ценности и идеалы китайцев. Что касается современности, то можно увидеть появление огромного количества новых институтов по изучению китайской философии, философии Конфуция. Через учение конфуцианства китайскому государству удаётся распространять и популяризировать информацию о своей культуре, свою идеологию на мировой арене. Стоит разобраться, кто такой Конфуций и почему он так интересен всему миру на протяжении многих лет.

Основным источником его биографии являются «Исторические записки» Сыма Цяня, где на страницах сорок седьмой главы изложено жизнеописание Конфуция [12]. В учениях философа всегда центральное место занимали этика и мораль. Он основал управленческую школу для обучения государственных чиновников. Эта школа имела успех: более семидесяти его учеников достигли высших должностей на государственной службе. Его философия личной добродетели была общеизвестна и признана каждым китайцем как основа мировоззрения: доброта (гуманность) – «жэнь», порядочность – «ли», справедливость (совесть) – «и», разумность (мудрость) – «чжи», вера (верность) – «син». Следует отметить: не только положительная статистика характеризует образовательное учреждение, созданное Конфуцием, но и тот факт, что эта ментальная установка, конструкция сознания сохранилась и работает до сих пор.

В современном мире примером управления, основанного на философии Конфуция, является Ли Куан Ю, который часто апеллировал к наследию философа. За период его правления Сингапур превратился из отсталой британской колонии в удивительный феномен процветающего государства, в основе которого лежит конфуцианская ценностная система, адаптированная к современности (уважение к авторитету, приоритет коллективных интересов, социальная ответственность). В результате чего в основе общественного уклада у жителей города складываются уважительные отношения к людям, стране, своей истории. Наряду с этим в современном Китае при руководстве Си Цзиньпина конфуцианские принципы активно внедряются

в государственную стратегию [13]. Подобные примеры подтверждают актуальность конфуцианской парадигмы в современном мире.

Концепция «жэнь» занимает центральное место в конфуцианской этике. В китайском дискурсе это понятие имеет несколько смысловых значений, не говоря уже о количестве переводов на русский язык. Человеколюбие, доброта к людям, гуманность, почтение к родителям, уважение к старшим – так может переводиться этот иероглиф разными синологами. Безусловно, фигура благородного мужа «Цзюнь-цзы» и, допустим, образ Томаса Мора или Альберта Швейцера, конечно, разные. Что же значит доброта по-китайски? Это абсолютная неспособность к нечеловеческим поступкам, особенно по отношению к семье. Чуткость, внимательность, способность принимать и прощать близких. Важно подчеркнуть, что «жэнь» – не абстрактная добродетель, а практическое качество, проявляющееся прежде всего в семейных отношениях. Известный фрагмент «Лунь-юй», где ученик интересуется этимологией понятия «жэнь», так часто произносимого учителем, отлично демонстрирует смысл этого иероглифа: «Фань Чи спросил о человеколюбии. Учитель ответил: – Это значит любить людей» [14, с. 95]. Это одна из возможных версий трактовки этого термина. Однако не стоит понимать «любовь» в европейском значении, в романтизированном смысле как импульсивное, необузданное чувство страсти. Человеколюбие по-китайски – это естественная потребность в поиске смысла, в познании самого себя и своих нравственных качеств. А благодаря образованию, ритуалам, традициям – внутреннее «жэнь» окультурируется и приобретает цивилизованный характер [14, с. 175]. Китайский философ, представитель современного конфуцианства Лян Шу-мин, определяет «жэнь» как некую интуицию, моральное прозрение, в основе которого заложено этическое воспитание [Там же]. Этическая доктрина И. Канта, его категорический императив, схож с данной идеологией своим долженствованием по отношению к другим людям. Человеколюбие – чувство не врождённое, как думал тот же Платон, а приобретённое, воспитанное, вызванное в себе благодаря познанию. К примеру, диалог из «Лунь-юй»

прекрасно объясняет «жэнь» на примере. В нём Конфуцию рассказали, как один человек сдал властям своего отца, когда тот украл барана. Ответ философа может вызвать недопонимание у западного читателя, но для русского сознания – вполне осмыслим и не вызывает противоречий: «Прямые (честные) люди у нас отличаются от ваших. Отцы скрывают ошибки сыновей, а сыновья покрывают ошибки отцов, в этом и состоит прямота (честность)» [14, с. 103]. Диалог о краже барана раскрывает приоритет семейной этики над формальным законом в рамках системы конфуцианских ценностей. И в русской культуре приоритет семейных уз также исторически значим.

С конфуцианской точки зрения семья значит нечто больше, чем кровные узы. Конфуций считал, что семья и государство различаются только масштабами, а по своей сути и организации представляются они идентичными [14, с. 168]. Именно поэтому часто говорят, что для конфуцианства «государство – это большая семья, а семья – это маленькое государство». В традиционном китайском обществе семья характеризуется сложной системой родственных отношений, часто семьи проживают несколькими поколениями под одной крышей. Уже в самом иероглифическом обозначении «семья» (家 (jiā)) заложен глубокий смысл – это род или дом, государство. В русской картине мира «род», «очаг», «родина», «отечество» тоже имеют сокровенное значение. Лингвистические параллели также значимы: слова «отечество» и «очаг» происходят от древнерусского корня «оть-» (отец), который является некой лингвистической загадкой уже долгое время, а слово «семья», по одной из версий, произошло от древнерусского слова «сѣмѣа», что значит «семя», символизирующее родовую преемственность, подобно семечке, из которого произрастает большое ветвистое дерево (отсюда же – семейное древо). Кроме того, для русского культурного кода категория соборности, отеческого попечения является фундаментальной. Так, например, в хрестоматии «Белый царь» власть государя осмысливается через концепцию «отеческого попечения», где царь выступает не как администратор, а как «защитник», духовный отец нации, несущий бремя

ответственности перед Богом за вверенный ему народ: «власть, которая «от Бога» и получает религиозное оправдание, есть власть служебная, она служит правде и справедливости. Власть «от диавола» должна быть названа господской (или «похотью господства», по выражению Августина) в силу того, что она никому и ничему не служит, напротив, всех заставляет служить себе» [15, с. 138, 150, 163–165]. Эта идея служения высшему напрямую соотносится с конфуцианским идеалом «благородного мужа».

Таким образом, в обеих культурах семья играет ключевую роль в жизни человека и государства. Семья – это основа общества, источник поддержки и любви. Для обеих культур важны оказание уважения старшим, почитание, соблюдение семейных традиций и преемственность поколений. Всё перечисленное входит в понятие «жэнь». Стоит сказать, и иерархичность, которая присуща и китайскому, и русскому менталитету, даёт точку опоры для взаимопонимания. В русской патриархальной модели мира отец занимает почётное главное место как исполнитель властных функций, поскольку на нём лежит ответственность за всех членов семьи, ему доверена их судьба, согласно религиозным правилам и нормам. Однако, как отмечал П. Флоренский, иерархия патриархальной модели мира основана не на подавлении, а на идее соборного единства и «хорового начала», где каждый член общности, зная своё место, добровольно вносит вклад в гармонию целого [16, с. 77]. В конфуцианской системе социальных отношений отцу отводится аналогичная главенствующая роль. Существует чёткая иерархичная система взаимоотношений разных уровней: государь – подданный, отец – сын, муж – жена, старший брат – младший брат [17]. Наличие древней литературы о семейном воспитании в обеих странах свидетельствует о значимости нравственного формирования поколений. Такая модель отношений между близкими людьми, проникнутая семейной моралью и долгом, предполагает гармоничную привязанность между членами семьи, которая сможет противостоять вредоносному воздействию современных социальных пороков, эгоистическому типу мышления, абсолютизации роли денег, страсти к наслаждениям и т. д. [18]. Сегодня

в рамках активных процессов глобализации, поиска новых смыслов и ориентиров для человека изучение конфуцианской этической доктрины важно не только с точки зрения теории, но и, кажется, необходимо для практики.

Итак, понимание ключевой добродетели «жэнь» позволяет глубже осмыслить другие добродетели конфуцианства. Так, «и» чаще всего переводится на русский язык как «совесть», а также «долг», «справедливость», «верность». Благородная личность предполагает осознанное следование этическим правилам во взаимоотношениях, должное поведение: почтительность к родителям, доброту к младшему брату, покорность жены, преданность государю и т. д. По-китайски «совесть» – это способность поступать осознанно, должным образом, а «справедливость» – это умение проводить различие между общим и частным, отдавая приоритет общему, даже в ущерб себе: «совершенный муж восприимчив к «и», ничтожные же люди восприимчивы только к выгоде» [12, с. 177]. Согласно Мэн-цзы, развивавшему идеи Конфуция, человек от рождения склонен к добру, но «и» требует культивирования через воспитание и ритуал.

В русской философской традиции, как показано в хрестоматии «Белый царь», категория долга и служения также является центральной для понимания власти и общества. Так, И. Ильин, рассуждая о природе власти, подчёркивал, что её нравственное оправдание лежит в принятии на себя «бремени греха» – сознательном принятии ответственности за применение силы во имя предотвращения большего зла [15, с. 163]. Это пересекается с конфуцианским «и» как сознательным выбором в пользу должного даже вопреки личной выгоде.

В современном русскоязычном культурном пространстве понятия «осознанность», «совесть» и «долг», «справедливость», «верность» имеют разные самостоятельные смысловые значения. Понятие «совесть» является одним из центральных в этической системе, нередко отождествляется с внутренним нравственным законом (душой), что обусловлено влиянием христианской традиции. Что касается понятий «долг» и «верность» – то, зачастую эти слова можно встретить в контексте

служения – государю, Отечеству, Богу, семье. Данные понятия имеют глубокие корни и являются неотъемлемой частью национальной идентичности. Таким образом, «поступать как должен» – это внутренний императив человека, его моральные установки и принципы. А «поступать по совести» в русской традиции подразумевает религиозные представления о Высшем суде.

Другая конфуцианская добродетель «ли» охватывает понятия ритуала, обряда, практики, поведенческих норм или порядочности – в зависимости от контекста. Конфуций действительно отводил большую роль обрядам и ритуалам, в особенности обрядам жизненного цикла: ритуалам при рождении, совершеннолетию, вступлении в брак, поминальным обрядам и т. д. Конфуций говорил: «Если человек не обладает человеколюбием (жэнь), то, что ему делать с ритуалом (ли)?» [14, с. 34]. В чём же такая специфическая важность китайского «ли»? Во-первых, философ считал, что ритуал невозможен без человеколюбия – главной добродетели конфуцианской этики, «ли» – это конкретный способ осуществления «жэнь» и «и» на практике. Следуя такому пониманию «ли», Конфуций утверждал, что, заботясь о родителях, наделяя их кровом, давая им пищу, но при этом не испытывая настоящих искренних чувств, то это то же самое, что заботиться о домашнем животном: «сегодня почтительностью к родителям называют их содержание. Но люди содержат также собак и лошадей. Если родителей не почитать, то чем будет отличаться отношение к ним от отношения к собакам и лошадям?» [12, с. 10]. Таким образом, если в обряде нет искреннего переживания, то он просто бессмыслен для китайского сознания: внешняя форма должна выражать внутреннее чувство («жэнь»). Во-вторых, «ли» способствует поддержанию культурного кода, связывающего в одно единое духовное целое многие китайские поколения, формируя историческое сознание (в единстве прошлого, настоящего и будущего).

Таким образом, сходство между российским и китайским культурными кодами лежит не только в этической, но и в глубокой метафизической плоскости. Оно основано на общем понимании того, что подлинная власть (будь то в семье или государстве) есть не господство,

а служение, долг и ответственность, что находит своё выражение как в конфуцианской доктрине, так и в лучших образцах русской философской мысли. Кроме того, и в китайской, и в русской традиции мы видим стремление преодолевать крайности глубокого индивидуализма и безличного коллективизма. Если конфуцианство достигает этого через систему ритуалов «ли», задающих гармоничную иерархию, то в русской религиозно-философской мысли для описания этого идеала используется уникальное понятие «соборность». Как писал Н. Бердяев, соборность – это не внешний авторитет или принудительное единство, но и «имманентное качество личной совести, стоящей пред Богом» [19, с. 181]. Это свободное, органичное единство людей, в котором личность не растворяется, а, напротив, раскрывает свою свободу и творческий потенциал через глубокую духовную связь с другими. И в соборности, в «жэнь» ключевую роль играет не формальное подчинение, а внутреннее, искреннее принятие единства, основанного на общих ценностях. Как пишет Н. Бердяев, «через свободу своей совести личность связана с соборным духом, а не через общественное принуждение и общественный авторитет» [19, с. 145].

«Чжи» в китайской культуре играет также важную роль и трактуется как мудрость, разумность, сообразительность. Для Конфуция концепт «чжи» связан с понятием «жэнь»: в системе пяти постоянств все добродетели взаимодополняют друг друга. Как отмечено в «Лунь юй»: без разумности и человеколюбия может привести к глупости, ровно так же, как и отсутствие мудрости в человеке, побуждает в нём развитие грубости [12, с. 143]. В русской культурной традиции «мудрость» принципиально отличается от коннотаций слов «разум», «ум» (интеллектуальная способность) и противопоставлена хитрости (прагматическая изворотливость). Чаще всего мудрость ассоциируется с состоянием человеческого сознания, наполненностью жизненным опытом. Это способность человека, которую он обычно приобретает путём упорной духовной работы и накапливает с годами.

Итак, понятие мудрости в обеих культурах понимается как способность человека думать

и поступать в соответствии с выбранными приоритетами и идеалами. Мудрость помогает человеку успешно применять на практике остальные добродетели.

«Синь» – последняя из пяти конфуцианских постоянств, её часто трактуют как верность, доверие, надёжность. Конфуций рассматривал категорию «синь» как основу для построения идеальной семьи и государства. Для обеих культур принцип верности является базовым этическим императивом, необходимым в любом цивилизованном обществе. Многие современные социологи утверждают, что одна из актуальных проблем современного общества – это обострение не доверительных отношений между людьми, к СМИ, к государству, появление огромного количества «фейковых» новостей, и так далее [20]. Так, правильное понимание «синь» может стать ключом к построению искренних и крепких взаимоотношений, необходимых человеку в XXI веке.

На основе анализа и сопоставления основ философии Конфуция, его этической доктрины с русским культурным кодом сделан вывод, что две абсолютно разные цивилизации имеют много общего в понимании фундаментальных нравственных основ человеческого бытия для успешного межкультурного диалога. Это сходство, связанное с пятью постоянствами, не поверхностно, оно укоренено в базовых интуициях, формирующих социальную ответственность и индивидуальную совесть. Важнейшей точкой соприкосновения является восприятие семьи не просто как кровного союза, но как первичной ячейки общества, где важны принципы иерархии, взаимного уважения, долга. Конфуцианская строгая система отношений (государь – подданный, отец – сын) и традиционная русская модель семейной иерархии основаны на взаимоуважении и признании взаимных обязательств. Не менее значимо сходство в области нравственного императива. Конфуцианское «и» как осознанное следование должному даже вопреки личной выгоде перекликается с русской категорией «совесть», связанной с представлениями о душе, долге перед близкими, Родиной и высшими идеалами. Схожим образом трактуется и «чжи» – не как абстрактная

интеллектуальность или хитроумие, но как жизненный опыт, способность к осмысленному действию, продиктованному нравственными ориентирами. Ключевым же условием подлинности социальных ритуалов и норм «ли» в обеих культурах выступает «жэнь» – внешнее соблюдение обряда ценится лишь тогда, когда оно наполнено внутренним чувством, что отличает истинную культуру от пустой формальности.

Восприятие Китая в русской мысли наглядно демонстрирует, что долгое время происходило доминирование европоцентричной парадигмы, что создавало серьёзные барьеры для понимания восточной ментальности. Настоящая работа позволяет преодолеть исторические стереотипы, выявляя конкретные мосты между культурами. И действительно, сейчас происходит великий разворот ментальных пластов в мире: общество теряет свои ориентиры, отказывается от существующих традиций и норм, отрицает истину. В особенности такие тенденции мы можем наблюдать в европейском пространстве, где уже подвергают сомнению традиционные представления о природных началах. Сталкиваясь с разрушением традиционных форм существования, кризисом семейных институтов, заменой привычных понятий, следует обратить внимание на нравственные чувства. Целостная этическая доктрина Конфуция объясняет важность семейных ценностей, подчёркивает необходимость уважения к старшим, а также объясняет ценность знаний истории своей семьи и государства, что свойственно непременно и русскому культурному коду. Осознание этих общих нравственных координат позволяет предвидеть и смягчить возможные недопонимания, неизбежно возникающие из-за различий в коммуникативных стилях или социальных практиках. Философия Конфуция с её акцентом на гуманность, сознательность, верность и мудрость предлагает нам ценные ориентиры, которые мы можем разглядеть в процессе межкультурного диалога для поиска устойчивых нравственных опор в современном мире.

Поступила: 14.08.2025;

рецензирована: 28.08.2025; принята: 01.09.2025.

Литература

1. *Стамова Р.Д.* Некоторые особенности современного диалога цивилизаций / Р.Д. Стамова // *Россия и мир: научный диалог.* 2022. № 1. С. 160–174. URL: [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-1\(3\)-160-174](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-1(3)-160-174) (дата обращения: 15.08.2024).
2. *Фёдоров Н.Ф.* Русская история – международная история // *Фёдоров Н.Ф.: собр. соч.: в 4 т. / Н.Ф. Фёдоров.* М.: Прогресс, 1995. Т. II. С. 211–212.
3. *Данильченко Г.Д.* Взаимоотношения России и Востока как историко-философская проблема / Г.Д. Данильченко // *Вестник КРСУ.* 2014. Т. 14. № 9. С. 55–58.
4. *Бестужев-Марлинский А.А.* О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем» // *А.А. Бестужев-Марлинский.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1958. 141 с.
5. *Сербиенко В.В.* О восточной теме в русской философии // *Историко-философский ежегодник.* 2003. М.: Наука, 2004. С. 366–377.
6. *Белкин А.И.* Анализ подходов к изучению ментальности в психологической науке // *Изв. Сарат. ун-та. Сер. Акмеология образования. Психология развития.* 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-podhodov-k-izucheniyu-mentalnosti-v-psihologicheskoy-nauke> (дата обращения: 25.08.2025).
7. *Маслова А.В.* Осмысление китайской философии русскими мыслителями XVIII, XIX и XX столетий / А.В. Маслова // *Дискурс-Пи.* 2020. № 4 (41). С. 98–112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-kitayskoy-filosofii-russkimi-myslityami-xviii-xix-i-xx-stoletiy> (дата обращения: 02.09.2024).
8. *Скорородова С.И.* Азия в русской философии XIX века / С.И. Скорородова // *Соловьёвские исследования.* 2016. № 1 (49). С. 45–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aziya-v-russkoy-filosofii-xix-veka> (дата обращения: 06.08.2024).
9. *Чаадаев П.Я.* Философические письма. Письмо шестое / П.Я. Чаадаев // *Электронная библиотека.* URL: <http://www.infolib.info/philos/chaadaev/pisma6.html> (дата обращения: 01.09.2024).
10. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 6: Поздние богословские труды. Статьи 1855–1859 годов. Письма / А.С. Хомяков. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 480 с.
11. *Глаголев В.С.* Исторические вехи формирования российских представлений о китайцах как компонент взаимопонимания и успеха межкультурного диалога / В.С. Глаголев // *Россия – Китай: диалог в условиях глобализации:*

- материалы I Международного российско-китайского симпозиума / Забайкал. гос. ун-т; отв. ред. М.Н. Фомина. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 40–45.
12. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / пер. с кит. / Сыма Цянь // Древнерусская литература: Антология. URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/I/Syma_Tsjan/ (дата обращения: 01.09.2024).
 13. *Хоу Цзюэ*. Влияние этики Конфуция на взгляды и публичные выступления председателя КНР Си Цзиньпина / Хоу Цзюэ // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2015. № 4 (16). С. 62–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-etiki-konfutsiya-na-vzglyady-i-publichnye-vystupleniya-predsdatelya-kr-si-tszipina> (дата обращения: 08.08.2025).
 14. *Конфуций*. Лунь юй: пер. с кит. В.А. Кривцова / Конфуций. М.: Мысль, 2020. 256 с.
 15. *Доброхотов А.Л.* Избранное / А.Л. Доброхотов. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 472 с.
 16. *Флоренский П.А.* Философия культа (Опыт православной антропологии). 2-е изд. / П.А. Флоренский. М.: Академический проект, 2018. 685 с. (Философские технологии).
 17. *Зыонг Куок Куан*. Конфуцианские представления о семье и их влияние в феодальном обществе Вьетнама / Зыонг Куок Куан // Манускрипт. 2013. № 8 (34). Ч. II. С. 66–71.
 18. *Маркевич Т.Е.* Концепт «智慧» (мудрость) в китайской лингвокультуре / Т.Е. Маркевич // Молодой учёный. 2022. № 46 (441). С. 73–75. URL: <https://moluch.ru/archive/441/96387/> (дата обращения: 25.08.2024).
 19. *Бердяев Н.А.* О назначении человека: Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев. Париж: Современные записки, 1931. 320 с.
 20. *Макаров А.В.* Кризис доверия: проблемы измерения, общественные ценности и иные детерминанты / А.В. Макаров, Ю.Ю. Пономарёв // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2023. Т. 53. № 11 (593). С. 148–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-doveriya-problemy-izmereniya-obschestvennyye-tsennosti-i-inye-determinanty> (дата обращения: 11.08.2025).